

ВИЗИТ

Сейчас на автобусных маршрутах редко когда увидишь автобус, маленькие юркие маршрутки заняли их места. Но в тот день Алексею везло, к остановке подошел автобус, на котором можно было доехать прямо до дома без пересадок. Выбрав место посреди автобуса, он сел, у окна находился человек. Алексей как-то неловко сел и задел этого человека, возможно, причинив ему неудобство.

Алексей извинился перед ним, а он ответил, чуть повернув голову:

– Ничего. Не стоит извинений.

Его лицо показалось Алексею хорошо знакомым. На кого-то похож этот человек. Тем более, кажется, что Алексей видел этого человека совсем недавно, возможно, в течение сегодняшнего дня. Всю дорогу он не поворачивал головы в его сторону, все думал о соседе, сидящем рядом с ним. Где? Ну, где же видел он его? Об имени и говорить было нечего. Хоть убей, не вспомнить.

Сидящий рядом мужчина вел себя по-другому. Алексей чувствовал его взгляд на себе, тот не сводил с него своих глаз. Он глядел на Алексея долго, остановки три остались позади за это время. Наконец, Алексей услышал его хорошо знакомый голос:

– Простите! Вам не кажется, что мы с вами сегодня уже где-то встречались?

Алексей повернул голову и стал внимательно всматриваться в его лицо, в его серо-голубые глаза, нос. Ну, не снился же он ему сегодня ночью, а Алексей готов поклясться, что видел этого человека именно сегодня. Алексей осторожно сказал ему:

– Да и вас будто с утра сегодня я уже встречал где-то, только где, не припомню никак. Я тоже думаю об этом. Кстати, и голос ваш мне почему-то кажется знакомым, словно вы – мой родственник и я слышу ваш голос каждый день.

– Молодой человек, не знаю, как вас по имени...

– Алексей, – протянул ему руку Алексей.

– Удивительно! Я тоже Алексей! Так вот, Алексей, я тут рядом живу, купили квартиру в новом доме, давай-ка, зайдём ко мне в гости, мне так любопытно узнать, где же мы с тобой виделись. Ты, словно брат мне, такого со мной ещё не бывало, не могу отпустить тебя просто так.

– Да и мне интересно стало это дело. А жена, что скажет? Кого привел?

– Нет, не такая она у меня. Мы все вдвоем, да вдвоем, а тут вдруг такой гость. Нет, не подумай, мы не одиноки, две дочери у нас – Мария и Лиза. Только много лет прошло, как улетели две голубки от нас. Внуки уже есть! Даша, дочь старшенькой нашей, та в отца пошла, выше меня росточком, моя красавица. А у младшенькой дочери – малыши ещё совсем: девочка и мальчик. Живут отдельно, но не далеко, с матерью по телефону каждый день общаются, и она к ним почти каждый день ездит, помогает присматривать за внучатами. Так что, давай, поднимайся с сиденья-то, да на выход. Сейчас наша остановка будет.

Словно под гипнозом, Алексей встал и направился к выходу, позади него поспешал его новый знакомый. Автобус остановился в красивом месте нового микрорайона. Дом, на который показал тезка, стоял недалеко от остановки и Алексей подумал, что легко будет возвращаться, тут не заблудишься. Прямо за двором дома начинался бескрайний сосновый бор.

– Жену-то мою Евгенией зовут, Женей, значит. Мы с ней оба на пенсии уже. Ждет она меня сейчас, а я вот припозднился немного.

У Алексея, от его слов, защемило сердце, а в голове все перепуталось: это у него жена Евгения и две дочери: Мария и Лиза. Разница лишь в том, что, по словам тезки, разлетелись его дочери, но у него-то рано ещё дочерям разлетаться, школу только заканчивают. Просто, какой-то сдвиг временной просматривается. Словно все повторяется.

Дом, куда привел Алексея новый

знакомый, был совсем недавно сдан в эксплуатацию, люди только что въехали, и потому, не работал ещё ни лифт, ни мусорки. Об этом он успел рассказать, пока они поднимались пешком по бесконечным лестничным маршам.

Поднимались долго, но на какой этаж – неизвестно, номера этажей ещё не были написаны на стенах напротив лифтов, да и квартирные номера ещё не прикручены, а те, что были написаны строителями мелом, стерлись уже. А спрашивать у нового знакомого он не стал, какая разница, на каком этаже он будет в гостях.

Наконец, они остановились напротив одной двери с правой стороны, на которой тоже не было ещё номера, тезка нажал на кнопку звонка, и пропустил Алексея вперед. Дверь открыла женщина, очень похожая на жену Алексея. Только, во взгляде её он разглядел тоску и усталость, отчего выглядела она гораздо старше его жены. Видя такое сходство, он оторопел до такой степени, что не заметил, как переступил порог и оказался в квартире.

– Дверь-то, закрывать надо, – немало ворчливо сказала она. – От запаха краски голова целый день болела, никуда не сбежать от него. Оставил меня одну, за таблетками от головной боли сходить некому, а сама до аптеки не решаюсь идти, плохо себя чувствую.

Алексей оглянулся, ища глазами своего тезку, даже выглянул в приоткрытую дверь, но его там, словно и не бывало, не было слышно, ни его голоса, ни его шагов. Странное что-то твориться.

– Кого ты там, за дверями, оставил?

– Так, я же не сам пришел, меня Алексей привел, тезка мой, – растерянно бормотал мужчина, совершенно не понимая, что происходит.

– Давно это тебя домой приводить стали? – съехидничала женщина.

– Я к вам в гости пришёл. С Алексеем и по его приглашению. А он куда-то исчез.

– Лёша! Что с тобой происходит? Хватит меня пугать. Раздевайся, да

обедать садись. Где тебя так долго носило? Давай, давай! Быстрее!

Обескураженный, безвольно повинуясь распоряжениям женщины, Алексей разделся и осторожно пробрался на кухню. В большой кухне все было отделано по последнему слову. Таким интерьером они с женой могли любоваться только во снах. Ах, как мечтает о такой кухне его жена, да все как-то не сходятся ее желания с его возможностями.

Алексей уселся за стол и, в ожидании появления пропавшего тезки, от души поел, поскольку был очень голоден. Попробовал буквально все, и все ему очень понравилось, дома жена готовит так же вкусно. Собрав грязную посуду, Алексей сунул ее в мойку, залил водой, как всегда поступал после еды у себя дома и только собрался ее помыть, как в кухню вошла все та же женщина и выпроводила его из кухни со словами:

– Иди, посмотри лучше почту. Тебе много корреспонденции пришло. Тебе пятнадцать минут хватит? А после – задание будет, – сказала она, а когда он уже выходил из кухни, проворчала. – Вот человек! К посудомоечной машинке привыкать не хочет, не муж, а консерватор какой-то!

На журнальном столике у окна, большого и приоткрытого, лежала стопка журналов и газет. Между ними оказались и письма, предназначенные именно ему, Алексею. Его имя отчество и фамилия фигурировали на каждом месте получателя в левом углу длинных конвертов со странным штампом и датой, которая привела в ужас гостя.

Да гость ли он? Нет. Тут, видимо, с головой что-то не то. Перебирая журналы и газеты, он смотрел на даты их выхода в свет. Все говорило о том, что люди в этой квартире живут в будущем, во времени, ровно на двадцать лет старше того, из которого пришел сюда Алексей.

Начала болеть голова, он сжал ее ладонями рук и забыл, словно зашел, протяжно и грустно. На эти звуки в

гостиную вошла Женя, она с тревогой посмотрела на него и спросила:

– Леша! Что случилось?

– Да я сам хотел бы знать. Будьте добры, объясните мне все, что здесь происходит? Кто я такой?

– Лешенька, голубчик, не пугай меня! Пришел ты какой-то странный, искал кого-то, ведешь себя в манере, не свойственной тебе, выглядишь как мальчишка – не по годам, подстригся, что ли. Да еще интересуешься, кто ты такой, – она, обвив руками его шею, села к нему на колени и прижала его лицо к своей груди. – Ты добиваешься, чтобы я сказала, что ты – мой муж? Неужели все забыл? Ты помнишь, как в нашем старом доме, сразу после свадьбы, мы спали с тобой на чердаке, чтобы никому не мешать и нам, чтобы не мешали люди.

– Это я все помню, только не помню, почему я здесь, в этой квартире.

– Чудак! Мы же купили эту квартиру совсем недавно, а раньше жили по адресу... – она назвала его адрес, назвав его квартиру старой.

– Женя! Можно мне тебя так называть?

– Не прикидывайся дурачком!

– И не думаю. Женя, мне кажется, что я в этой квартире никогда не был. Что хочешь со мной делай! А ну-ка, скажи, где сейчас наши девчата? Я не вижу в этой квартире ничего, что могло бы принадлежать им.

– Ты сошел с ума! Или ты просто разыгрываешь меня? Если будешь продолжать вести себя в том же духе, ей богу, обижусь, – предупредила она. – Все! Все, все! Поиграл и хватит.

– Нет! Ты не ответила мне на мой вопрос: где наши девчата?

– Ты точно сошел с ума! У тебя уже внуки есть! Трое!

– Как тебя понять? – продолжал Алексей.

– У меня голова разболится снова, если не закончишь издеваться надо мной. Давление поднимется.

– И давно оно у тебя стало подниматься от волнения? – удивился он.

– Прошу тебя, прекрати! – она по-

глядела ему в глаза, улыбнулась и поцеловала его в краешек губ. – Лешка, я так соскучилась по тебе, ведь мы уже лет пять спим по разным кроватям и все это время я не чувствую мужской ласки. Ты просидишь у своего компьютера, заполночь завалишься на свой диван, и до утра только и слышу твоей храп.

– Женечка! Ты, наверное, не про меня говоришь?

– Что-о?

– Все, все! Говори, что нужно сделать по дому? Я искуплю свою вину.

– Ну вот, с того бы и начинал. Так! Сначала ты соберешь весь мусор около своего компьютера, сложишь все в мешок, захватишь мусор с кухни и вынесешь на улицу в контейнер. Мне очень трудно подниматься по лестнице. Когда же наладят этот лифт?

Алексей направился в свою комнату, совершенно не зная, которая дверь ведет туда. Он заскочил в спальню, выбежал из нее и обратил внимание на неподдельный испуг в глазах Жени, наблюдавшей за ним. Осталась всего одна дверь, куда нужно было заскочить и собрать весь мусор. Ошибки тут не должно было быть.

Он долго выбирал испорченные листы бумаги, старые газеты, лежавшие на полу, вобщем, делал все так, чтобы не выбросить что-то нужное и не навредить своему тезке, Алексею, пропавшему неизвестно куда. Ведь и жена его не ищет, если только это его жена. Она – точная копия его, Алексея, жены, тоже Евгении, только на двадцать лет старше ее. В голове все мысли перепутались и не поддавались логическому умозаключению.

Дверь в кабинет, где работал Алексей – сортировал мусор, открылась, вошла Женя и протянула ему телефон:

– Кто еще там? – испугано спросил Алексей, взглянув в глаза женщины, неизвестно кем приходящейся ему, но трубку взял и сказал:

– Алло, слушаю вас.

– Пап, ну что это такое? Почему мама плачет? – говорила в трубке Мария, старшая дочь Алексея. – Не

обижай ее, ведь вы уже не так молоды, чтобы доводить друг друга до сумасшествия. Да, привет тебе от Даши.

– Кто это такая – Даша? Подруга?

– Да. Видимо, действительно с тобой что-то происходит. Мы с твоей внучкой Дашенькой сейчас же едем к вам. Не уходи никуда, – связь прервалась.

Алексей протянул трубку Жене, стоящей в дверях и прижавшей голову к косяку.

– До нее Лиза звонила, они все четверо сейчас приедут. Так что, наводи порядок, встречать гостей будем. Я стол буду накрывать, помоги только мне его раздвинуть.

Алексей собрал бумаги, сложил их в мешок, помог Жене разложить стол, собрал весь мусор на кухне и сложил его у самого выхода, нужно было еще одеться.

Он надевал на себя одежду, в которой пришел, к нему подошла Женя, прижалась к его груди и обвила его руками. На душе Алексея становилось все тоскливее, но горячее дыхание женщины, кажется, проникало до сердца. И тут она сказала:

– Ты опять забыл, что у нас сегодня день нашей свадьбы, сорок один год живем вместе, а друг друга так и не научились понимать. Вынеси мусор, да мне поможешь. Я попросила девчонок купить хорошего вина на наш стол и еще, самое главное... Вроде, как-то и неловко тебе сказать, но я скажу: лет пять, как мы с тобой спим в разных кроватях, я уже соскучилась по твоим горячим рукам. Так что, извини, но сегодня мы спим вместе, я сделала нам подарок: уже выбросила наши кровати, а пока ты ездил куда-то, я купила нам в спальню одну большую и красивую кровать. Заказ сделала по Интернету. Все работы выполнили два паренька из магазина. На ней-то и будем мы спать всю оставшуюся жизнь и всегда только вдвоем. Ты согласен со мной? Тогда, поцелуй меня.

Алексей, загруженный мешками с мусором, осторожно переступал со ступеньки на ступеньку, уступая доро-

гу поднимавшимся наверх людям. Он вытащил свою поклажу на бетонное крыльцо, покрутил головой по сторонам, отыскал глазами контейнеры для мусора и понес мешки туда, в самую середину двора. Дотащив мусор до металлических ящиков, он аккуратно сложил внутрь мешки, похлопал ладонями, освобождаясь от пыли, привел в порядок одежду, поправил кепи на голове и пошел.

Но... оказалось, он не запомнил, в каком подъезде только что был, откуда вытащил эти злополучные мешки с бумагой и мусором. Он пересчитал подъезды дома, всего-то восемь подъездов, а какой этаж? В большой растерянности он стоял и смотрел на большой дом, который выплюнул его только что, а принимать обратно не хотел.

Сначала у Алексея вспотели уши, волосы под кепи стали мокрыми. Как попасть в ту квартиру, где он сейчас был? Потом вдруг застыли руки и ноги, он пошел, что толку стоять, искать надо. Может быть, следует подождать, ведь должны приехать чьи-то дочери на торжество родителей, нужно только не пропустить этот момент, когда они приедут.

Ему ужасно захотелось попасть, вернуться, к женщине в пустой квартире. Он, не дождавшись приезда детей, кинулся в подъезд, который, по его предположению, более всего подходил для поиска квартиры, побежал вверх по лестнице, пробежал несколько этажей, но все двери были похожи одна на другую. Тогда он стал звонить во все двери, расположенные с правой стороны. Из проемов выглядывали люди: мужчины, женщины, но это были чужие люди. А ему нужна была она, родная и единственная, которая считает его своим мужем. А если, это – правда? Находясь в безвыходном положении, он остановился где-то на середине лестничных маршей и закричал: – Женя! – он кричал что есть силы.

Покричав, он прислушался, не ответит ли ему знакомый и милый голос, не позовет ли его «домой». Но кругом – тишина.

Он выскочил на улицу, машины у подъездов уже не стояли, вечерело, в окнах зажигался свет, задергивались шторы на окнах нижних этажей. Он отошел ближе к середине двора и еще раз, приложив все силы в легкие, закричал, как раненый зверь в предчувствии смерти. Но снова никто не ответил на его призыв, только его крик возвратился к нему эхом. Он долго стоял еще посреди двора и разглядывал дом в надежде, что мелькнет в каком-нибудь окне знакомый силуэт красивой женщины. Ожиданием он тешил свое сознание и, еле теплившуюся там, надежду.

Ближе к полуночи, когда светящимися во всем доме оставались лишь несколько окон, и уже пропала надежда найти женщину, ту самую женщину, которую сегодня нашел и сейчас потерял, он пошел по направлению к автобусной остановке, на которой уже не было людей, да и вряд ли уже ходили автобусы. Постояв немного на остановке, он пошел пешком. К утру приду, подумал он, усмехнувшись, но пришел раньше. Дверь ключом почему-то плохо открывалась, открыли изнутри, открыла жена, Женя.

– Дверь-то за собой закрывать нужно, – немного ворчливо сказала она, когда он вошел в прихожую, оставив дверь приоткрытой. – Весь запах из подъезда в квартиру лезет, голова трещит целый день, а дома даже таблеток от головной боли нет.

Алексей оторопел, он сегодня уже слышал такое, или, почти такое, замечание, но сказанное ему тем – же голосом.

– Я не спала, все ждала тебя. Где же ты ходишь? А ты опять забыл, что сегодня день нашей свадьбы, двадцать один год, как мы вместе, – попрекнула она. – Девчонки уснули, расстроенные, что отец загулял где-то.

– Прости меня, Женечка! – сказал Алексей.

А потом он долго смотрел в любимые глаза любимой женщины и, затем, тихо сказал:

– Я был на свидании. Кажется, с

тобой. Ты была такая усталая и старше меня на целых двадцать лет.

Но она не придала его словам никакого значения, потому что считала своего мужа неисправимым романтиком и фантазером.

ОСТАНОВКА НА СТАНЦИИ ДЕТСТВА

Владимир подошел к окошечку с полукруглым вырезом в самом низу стекла и, слегка пригнув голову, заглянул внутрь маленькой комнатки, кассы по продаже железнодорожных билетов на пригородные поезда, отходящие со станции Йошкар-Ола в сторону Казани. По ту сторону стекла сидела кассирша, внешний вид которой заслуживал особого внимания. Она поздоровалась и вопросительно с улыбкой смотрела на молодого мужчину, ожидая, что он скажет. Владимир смутился от ее взгляда и медлил с покупкой билета, благо, народу вокруг не было. До поезда, по расписанию, был еще целый час. Люди не торопились.

Кассирша, видя нерасторопность будущего пассажира, спросила его:

– До какой станции вам нужен билет?

Он не ответил, потому что растерялся под взглядом обаятельной женщины и никак не мог вспомнить название этой небольшой станции, куда он собирался попасть, он приоткрыл рот, приподнял руку и закатил глаза под потолок, пытаясь вспомнить. Она повторила вопрос, но еще добавила:

– Вам ведь на этот поезд? – назвав номер поезда.

– Да, да! На этот самый поезд. Нужен билет до... до... – тут он взмахнул рукой и смущенно сказал. – Мне бы в «Детство» попасть. Правда, я забыл, как называется станция, но она тут, недалеко. Она самая первая станция.

Лицо женщины за стеклом приняло выражение озабоченности, она прекратила улыбаться и очень странно стала смотреть на молодого мужчину. Так она смотрела на него некоторое

время, потом глаза ее словно засветились, а может, просто заблестели от внезапно навернувшихся слезинок. Быстро промокнув глаза платочком, она тихо сказала:

– Я продаю билеты на поезда здесь почти десять лет, но вы... вы первый человек, который попросил билет в «Детство». Вот, пожалуйста, ваш билет. Счастливого пути вам!

Она протянула ему картонный прямоугольник билета с маленькой дырочкой посередине. Он, отходя от кассы, внимательно рассмотрел надписи на билете и, прочитав, заулыбался, повернулся в сторону кассы и помахал рукой хорошенькой женщине, которая продолжала смотреть вслед уходящему пассажиру.

Владимир несколько раз подходил к автомату, большому железному ящику и пил шипучую и кусачую газировку с сиропом по три копейки за стакан, после чего пришлось бегать по вокзалу и искать дверь с изображением на ней «писающего мальчика». Но все это было не главное, о главном он задумался, когда занял свободное место на диване в зале ожидания. Как встретит его родной дом? Сохранился ли он? Небольшой домик, с двумя окнами на улицу, тогда он был еще совсем новым, только что построенным. Его построил сам отец. А потом они переехали и стали жить в городе.

Когда Вовка закончил первый класс, учась в городе, ему нестерпимо захотелось побывать в том маленьком поселке, где прошли его самые юные годы. Что манило его туда, что толкнуло его пойти пешком прямо по железной дороге, он не понимал до сих пор. Надо же было восьмилетнему мальчишке в воскресный день отпрашиваться у матери погулять и уйти пешком в страну своего детства. Он целеустремленно шел по лугам, переходил реку по железнодорожному мосту, а остаток пути шел по бескрайнему лесу.

Ноги привели его прямо к домику, к которому он так стремился. Вовка долго ходил около дома, жадно всматриваясь в окна в надежде увидеть

что-то родное. Но подходил вечер, никто так и не открыл ему ворота во двор дома, а об обратной дороге в город он так и не подумал. Хорошо, что в это время возвращалась из магазина соседка, знавшая Володьку. Родители дружили с этой женщиной и между собой называли почему-то ее Зиной Чёрной. Вовке она нравилась за то, что любила его и, при случае, угощала конфетой. В этот раз, увидев Вовку, она подошла к нему, обняла и спросила:

– Родители-то где?

– Там, дома остались, – не соврал Вовка.

– Как же ты здесь оказался? На поезде приехал один?

– Нет, я пешком пришел, – ответил Вовка и заплакал. Плакал долго, умываясь слезами.

– Не реви, – строго сказала тетя Зина. – Сам же набедокурил, и воет еще. Ты давно ушёл из дома? Вот, глупенький, шёл-то зачем? Ах, на дом посмотреть!

Женщина задавала Вовке кучу вопросов, а он от слёз не мог говорить, а только кивал. А когда Вовка ответил ей, что шёл на дом посмотреть, она, вроде как смягчилась, лицо её стало гораздо добрее, она погладила Вовку по голове и сказала:

– Ладно, ладно, будет реветь-то. Соскучился по дому, вот и пришёл, а я вот до старости дожила, а так и не собралась побывать на своей родине. Не помню уж, какой он был отчий-то дом. Маленькой мне он казался огромным. А какой он на самом деле, видать, не увижу никогда. Не собратся мне больше съездить туда.

Прекратив гладить Вовку, тетя Зина запустила руку в свою кошелёчку, достала буханку белого хлеба, пеклеванного, отломала почти треть его, запашистого, и сунула в руки Вовки.

– Поешь, поешь! Голодный, чай, с утра.

Вовка вонзил свои зубы в хлеб и принялся уплетать его. Только сейчас он почувствовал голод. Ещё бы, целый день ничего не есть. Тетя Зина pokrутила головой, спросила кого-то про

время, а получив ответ, подхватила Вовку за руку и быстро потащила его в сторону станции, на ходу объясняя:

– Поезд вот, вот подойдет, Вовка! Поторопиться надо, а то не успеем на него. Я тебе билет куплю, до города доедешь и больше никуда не сворачивай, прямо до дому дуй. Понял меня? А в следующий раз, захочешь дом посмотреть, с матерью или с отцом приезжайте. Заодно и меня, старую, навестите. Договорились?

Вовка покивал.

Подошел поезд. Вовка успел доесть весь хлеб и, даже, запил его водой из колонки. Тетка Зина принесла ему билет, такой прямоугольник картонный, с дырочкой посередине, сунула его Вовке в карман и посадила на подножку вагона. Вдогонку она успела прокричать:

– С матерью приезжай, Вовка!

– Ладно, приедем! – ответил Вовка и пошел занимать место в вагоне, чтобы было возле окна.

Только не приехал Вовка ни летом, во время каникул, ни через год. Двадцать лет прошло с того его визита в «Детство». Тетка Зина не дождалась Вовку, ни одного, ни с матерью. Мать написала Владимиру как-то в письме, что умерла тетка Зина, спрашивала, помнит ли он еще ее. Кого из знакомых может еще увидеть Владимир там, в поселке, по приезду? Можно и без знакомых обойтись, прикрыв глаза, думал он. Посмотреть бы на родные места, на домик, который построил отец и в котором когда-то жил Вовка и больше ему ничего не надо.

Когда подошло время, Владимир сел у окна в полупустом вагоне. Беззвучно за окнами вагона поплыли привокзальные строения, затем медленно ушли назад зеленые луга, замелькали фермы моста через небольшую реку Кокшагу, и в вагоне стало темнее, густой смешанный лес стоял стеной по обе стороны вагона. Ближние деревья проносились мимо, удаленные медленно проплывали в стороне. Казалось, что лес не кончится никогда, но снова появились деревянные дома,

обозначились улицы, по дорогам катили машины, люди шли по дорожкам вдоль домов, толпились кучками около открытых дверей магазинов, стало видно деревянное здание небольшого вокзала.

Выйдя на платформу, Владимир быстро отыскал направление к заветному домику. Он шел, а сердце его от волнения готово было выскочить из грудной клетки. Справа осталась школа, тоже деревянная, двухэтажная. Он помнил её с того самого детства, а запомнилась она ему потому, что здесь он первый раз в жизни встречал Новый Год с настоящей украшенной елкой и настоящими Дедом Морозом и Снегурочкой.

Ну, вот и дом, тот самый дом, который когда-то построил отец. Сейчас дом ему показался совсем маленьким, почти игрушечным, всего два окна смотрели на улицу. В одном из окон показалось лицо немолодой женщины, заинтересованно наблюдавшей за Владимиром. Затем оно исчезло, и вскоре открылась входная дверь, женщина вышла на крыльцо. Она приложила руку ко лбу, загораживая глаза от солнца, и через забор стала наблюдать за высоким мужчиной, осматривающим ее дом.

Владимир, глядя на домик, вспоминал, как жили они тогда. Жили, конечно, бедно. Кровать, лавки и табуретки были сделаны самим отцом. Электричества в домах не было, а когда установили дизель-генератор и протянули провода прямо к домам, сообщив при этом, что вот-вот подадут в дома электроэнергию и будут гореть электролампы, Вовка долго лежал на лавке и не сводил глаз с лампочки, висящей под потолком, боясь пропустить тот самый момент, когда она вспыхнет. Лампочка вспыхнула, ее свет жег глаза, как сварка, хотя была она всего двадцати пяти ватт мощностью.

– Чего встал тут, да в окна заглядываешь? – Владимир вздрогнул от внезапно раздавшегося басистого голоса. – Говори чего надо? Я тут хозяйка!

Владимир растерялся от неожиданных вопросов, но подошел к хозяйке, стоявшей уже в открытых воротах.

– Жил я когда-то в этом доме. В детстве. Вот и решил взглянуть на дом из «Детства».

Грубая на вид женщина внимательно осмотрела гостя, чуть посторонилась и, показав рукой на крыльцо, сказала:

– Похоже, что так. По глазам вижу. Проходи, коли пришел в дом из «Детства».

Голос ее звучал уже мягко и доброжелательно.

Подходя к крыльцу, Владимир ожил, вспомнив:

– А под крыльцом мы козу держали! С той стороны крыльца вход.

– Держим и мы. Только сейчас она на пастбище.

– Там под крыльцом окошечко есть из подпола для вентиляции. Мы с племянником, помню, из дома через него и вылезли, когда мать оставила нас в запертом доме. Поутру ушла лошадей кормить на конюшню, думала, что мы не пробудимся, а я рано что-то поднялся и поднял переполох. Из окна прыгать на землю побоялись – высоко. Так мы вот через козье жилье и выбрались из дома.

– Не лупила мать-то? – уже со смехом спросила хозяйка дома.

– Лупить не лупила, только ругала, отец, тот бы подзатыльник отпустил, – согласился Владимир. – Только, в город он зачем-то ездил, не было его в ту ночь дома.

– То-то!

Войдя в дом, Владимир подивился тому, как мал был дом, как было мало свободного места. Почти четверть всей площади занимала русская печь. Еще он увидел старую отцовскую скамейку на кухне вдоль стены. Надо же, сколько лет прослужила. Заныло сердце, Владимир попрощался с грозной на вид, но доброй душой, женщиной, сказал «спасибо». Она вышла его проводить до ворот, а в след напутственно сказала:

– Живы если родители, передай

привет от нас, а ты сам-то заезжай, если надумаешь родной дом посмотреть. Быстро уж ты как-то собрался уходить. Сын должен приехать, посидели бы, да чайку попили. Я бы, чем и покрепче угостила. Ну, да ладно. Давай, с богом. Да, приезжай, если надумаешь.

Владимир только покивал, говорить не мог, сперло дыхание. Он еще раз оглянулся на дом, у ворот которого стояла женщина, махнул ей рукой и направился быстрым шагом к небольшой берёзовой рощице около железнодорожного вокзала, чтобы там на скамеечке скоротать время до прибытия поезда.

Снова прошло много лет. Побыв в гостях у оставшихся родственников, Владимир попрощался и заказал такси, чтобы успеть к отправлению поезда до Москвы. Чемоданы он не любил, в поездках всегда обходился дорожными сумками, так и сейчас, с сумкой на широком ремне через плечо, он прошелся по вокзалу, все тому же, старому. Рассматривал буквально всё, останавливался около всех киосков, заглядывал в лица людей находящихся в залах вокзала в надежде встретить хоть одно знакомое лицо. Но, видимо, слишком много времени прошло, знакомых не стало. Грустно? Конечно, грустно! Родной город стал совсем чужим.

С таким настроением он оказался около кассы на пригородные поезда. Народу тут не было, до поезда еще оставалось много времени. Проходя мимо окна кассы, он заглянул через стекло внутрь помещения. Там, перед окном, сидела миловидная женщина с сединой в волосах, которая, почувствовав у окна человека, взглянула на него и сразу заулыбалась. Владимир чуть узнал ее, подумав про себя, как время меняет облик человека. Но и он заулыбался и поздоровался. А она сказала ему:

– Кроме вас никто не просил у меня билет до «Детства». Кругом практичные и скучные люди! Как они живут? А я о вас поначалу долго вспоминала, сейчас стала забывать, но вы напо-

нили о себе. Вам билет до «Детства»?

Владимир машинально кивнул, не думая и не загадывая, что он с ним будет делать, как обойдется с этим билетом. Он вынул из кармана деньги и рассчитался за билет, продолговатый прямоугольник из картона с дырочкой посередине.

– Счастливо вам побывать в «Детстве»! – пожелала добрая женщина ему на прощанье.

Он только кивнул, отходя от кассы. Он не мог говорить, снова сперло дыхание. Прочитав написанное на билете, он обернулся назад и махнул рукой смотревшей ему вслед милой женщине, которой тоже, было не по себе. Она стояла за стеклом, сложив руки на груди.

Взглянув на вокзальные часы, Владимир вышел на перрон, Московский поезд уже стоял у платформы, и полным ходом шла посадка. Владимир вошел в свой вагон отыскал свое место и, достав из кармана заветный билет в «Детство», стал перечитывать все, что там было напечатано. Билет был до станции «Детство», а дата, проколотая крошечными отверстиями, была датой его прошлого визита в «Детство». Сколько же лет добрая женщина берегла этот, специально изготовленный для него билет? Нет, город не чужой, если о тебе помнит, хоть один житель этого города.

ПОСЛЕДНЕЕ СВИДАНИЕ

Жаркий июльский день, седьмое число. В автобусе открыты все окна, какие можно было открыть, потому и нет там жары. В салоне людей не очень много, воскресный день, городские жители все с самого утра на пляжах у воды, кто на дачах, ну, а кто и дома нашел подходящее занятие.

Недалеко от дверей в центре автобуса стояла красивая женщина, держась за поручни. Она стояла как раз напротив открытого окна, глядела в него и

легкая улыбка гуляла по ее лицу. Свободных мест в автобусе было много, но она не садилась, боясь помять свое красивое платье, а оно действительно было очень красиво. Сшитое из цветной легкой и слегка просвечивающейся ткани, оно облегало ее идеальную фигуру. Стройные ноги удлиняли легкие туфельки на больших шпильках.

То обстоятельство, что она была в том возрасте, который у нас принято называть бальзаковским, абсолютно не портило отношения к ней всех пассажиров, находящихся в салоне автобуса.

Женщина не жила жизнью салона, а что было у нее в душе, знала только она. Люди могли лишь предполагать, почему она такая счастливая и, возможно, многие из пассажиров автобуса строили догадки, куда она едет и зачем. Логично было бы предположить, что она собралась и едет на встречу с любимым человеком, на свидание, в конце концов.

На улице, между тем, пацаны носились и поливали друг друга и девчонок водой из пластиковых бутылок. Мокрые, чумазые и взъерошенные, они останавливались на остановках, поджидая очередной автобус. Автоматические двери открывались, и потоки воды лились в салон автобусов, заставляя визжать женщин и громко ругаться мужчин. Это доставляло неопишемую радость, как мальчишкам, так и девчонкам.

Пассажирам автобуса, в котором ехала зачарованная женщина, очень повезло. Водитель автобуса, на остановках открывал только одну, центральную дверь, рядом с которой необдуманно стояла она, глядя вдаль и улыбаясь.

Двери открывались, несколько мальчишек с бутылками и, даже, с пластиковыми ведрами, наполненными холодной водой из колонки, оказывались у проема, замахивались, но... что-то мешало им выплеснуть воду внутрь салона автобуса.

А она, эта женщина, словно не замечала всего того, что происходило вокруг нее, она ничего не видела и не

слышала. Зато пассажирам автобуса очень хорошо был слышен диалог двух мальчишек:

– Ну, ты чего, испугался что ли? Я не думал, что ты такой трус, – сказал подошедший крупный мальчишка мальчику поменьше.

– Ничего я и не испугался. Там людей мало рядом с дверью. Одна «чокнутая» только стоит и улыбается. Я не смог ее облить.

– Эх, ты! Трус!

– Так никто же не стал ее обливать, там кроме меня много наших ребят было.

– Все равно ты струсил! – заявил паренек постарше и, развернувшись, стал удаляться.

– И ты бы не смог ее облить! – сквозь слезы закричал обиженный мальчишка. Он догнал своего, может быть, друга и вылил свое ведерко с холодной водой на него.

Пассажиры автобуса были восхищены поступком мальчика, но никто ничего не сказал вслух. Люди в салоне не хотели отвлекать зачарованную женщину.

Автобус был «Экспресс». Он очень редко останавливался, ехал быстро и, вскоре, должен был прибыть на конечную остановку этого маршрута.

На очередной остановке автобус поджидали несколько мальчишек и девчонок. Они прятали за спины свое «оружие» – ведра и бутылки с водой. Дверь открылась и, снова все повторилось, ребяташки отходили от автобуса, оглядываясь и смущенно улыбаясь. Кто-то из них сказал:

– Ладно, не получилось.

Но на автобусной остановке были и другие люди. Со скамейки поднялся небритый мужчина средних лет, взял из рук мальчишки маленькое ведерко с водой и со словами:

– Гляди, как нужно это делать, – он выплеснул его на женщину, стоящую у центральных дверей в автобусе, очень испугав ее.

Потоки воды стекали с ее нарядного платья, сразу прилипшего к телу. Волосы на голове намokли до такой степени, что превратились из тщательно уложенных локонов в безобразную прическу из повисших и капающих сосулeк. Она даже не вскрикнула, она смотрела на обидчика широко открытыми от ужаса глазами и молчала.

Небритый мужчина тоже смотрел на нее, но уже с испугом, словно поняв, что только что совершил большой и непростительно нехороший поступок. Он опустил голову, нахмурился и, сунув ведеpко в руки мальчишки, сказал:

– «Чокнутая» какая-то.

Мальчишка, взяв в руки пустое ведеpко, тихо спросил его:

– Дядя, зачем вы это сделали?

Мужчина посмотрел на него, оглянулся на женщину в автобусе, тяжело вздохнул и, махнув рукой, сказал:

– А ну вас! Пошли вы все...

Он быстро ушел с автобусной остановки, так и не услышав, как плакала женщина в автобусе, только что очень обиженная им. Автобус продолжал стоять на остановке, а женщина плакала, она рыдала, словно потеряла что-то очень дорогое и очень значимое для нее.

Затем она вышла из открытых дверей, перешла дорогу и направилась в сторону остановки, чтобы сесть в автобус и уехать назад, туда, откуда, только что приехала.